

И. Б. Гаврилов

КОНСТАНТИН АКСАКОВ О «РУССКОМ ВОЗЗРЕНИИ» (1830–1840-е гг.)

Статья посвящена становлению философских взглядов русского мыслителя — славянофила Константина Сергеевича Аксакова (1817–1860), 200 лет со дня рождения которого исполняется в этом году. В контексте интеллектуальной биографии философа раскрыты некоторые идейные источники его творчества на раннем этапе жизни и деятельности. Показано важное значение семьи в формировании взглядов будущего славянофила. Рассмотрено его участие в кружке Н. Станкевича, путешествие в Европу, вхождение в хомяковский кружок и некоторые дискуссионные аспекты зарождения славянофильского движения, формы и пути проповеди «русского воззрения». В статье дан краткий разбор отдельных положений магистерской диссертации К. Аксакова о Ломоносове, которая рассматривается как важный этап становления его взглядов на Россию и русскую культуру.

Ключевые слова: отечественная философия, интеллектуальная биография, Константин Аксаков, русское воззрение, славянофильство, Россия и Запад, Россия и Германия, познание России, православно-русское направление, спор славянофилов и западников.

С начала 1840-х гг. личность и творчество Константина Сергеевича Аксакова находились в центре литературной и общественной жизни Москвы. «Великий гражданин Москвы», «юноша, полный сил и благодати», «душа сильная и благородная» (С. П. Шевырев), «Константин великий», «праведник», «чистая и благородная натура» (Л. Н. Толстой) — вот лишь некоторые, наиболее характерные отзывы о нем известных людей, знавших и любивших его. Но и идейные противники отдавали должное его нравственным качествам: «благороднейший, честнейший человек» (И. И. Панаев), «восторженный и беспредельно благородный юноша» (А. И. Герцен). Даже «неистовый» вождь западников Виссарион Белинский называл Константина Сергеевича «душой чистой, девственной» — «это человек, в котором благородство — инстинкт натуры»¹.

Игорь Борисович Гаврилов — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии (igo7777@mail.ru).

¹ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1953–1959. Т. XII. С. 547.

Ярко проявивший себя как поэт, историк, филолог, лингвист, философ, публицист, литературный критик, Константин Аксаков был богато одарен талантами и блестяще образован, впрочем, как и все славянофилы. Один из отцов-основателей славянофильства, он внес значительный творческий вклад в становление самобытной русской философии. Однако вклад этот до сих пор не оценен еще в полной мере. Это связано прежде всего с тем, что большинство программных текстов мыслителя были опубликованы только после его смерти, а значительная часть наследия до сих пор ожидает издания. Еще в 1915 г. В. В. Розанов в рецензии на первый и единственный том собрания сочинения философа с горечью писал, что «сочинения Кон. Аксакова, русского патриота и мыслителя, который вложил огромный вклад в объяснение хода русской истории и умер всего 50 лет назад, менее известны русскому человеку и русскому обществу, нежели творения Еврипида»².

Действительно, немногочисленные работы, написанные до 1917 г. в основном либеральными историками общественной мысли, отражали скорее полемический настрой их авторов. Так, литературовед и этнограф, академик Петербургской академии наук А. Н. Пыпин представляет славянофилов «мнимыми специальными представителями русского национального начала», а в «крайнем идеализме» К. С. Аксакова видит «московский провинциализм»³.

Известный библиограф и историк литературы С. А. Венгеров характеризует Аксакова как «вооруженного с головы до ног противника», «апостола русской богоизбранности», «фанатического ругателя всего европейского», что трактуется критиком как «умственная и нравственная несостоятельность». По его мнению, «все, что когда-либо написал Конст. Сергеевич, представляет собой и по намерениям, и по способу исполнения публицистику чистейшей воды». Всех славянофилов Венгеров обвиняет в том, что они «сплошь да рядом симпатизировали тенденциям застоя и сплошь да рядом оказывали поддержку идеям человеконенавистничества». Подводя итоги своего весьма обширного обзора, Венгеров усматривает в славянофильском требовании самобытности «нечто весьма похожее на деспотическое желание подчинить

---

² Розанов В. В. Один из «стаи славной» // Розанов В. В. Собрание сочинений. О писательстве и писателях. М., 1995. С. 605.

³ Пыпин А. Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов: исторические очерки. СПб., 1873.

русскому мирозерцанию мирозерцания всех других европейских народов и объявить истину исключительно монополией русского духа». В «русском воззрении», исповедуемом славянофилами, либеральный критик видит «панруссизм, стремящийся устроить все человечество по своему образцу»⁴.

После 1917 г. славянофильство оценивалось как «сусальное православие» и «демагогические выверты по вопросу о крепостном праве», а созданное им оригинальное учение о народности определялось как «лженародность». К. Аксаков и его единомышленники долго находились в тени своих оппонентов-западников — В. Г. Белинского, А. И. Герцена и др. В последние десятилетия творческую деятельность и личность К. С. Аксакова затмевали другие, более признанные старшие славянофилы А. С. Хомяков и И. В. Киреевский, и он рассматривался по большей части не как самостоятельный мыслитель, а, скорее, как популяризатор славянофильской доктрины⁵. Тем не менее надо отметить, что именно в эти годы появился ряд серьезных работ как о славянофильстве в целом⁶, так и специально о К. С. Аксакове⁷.

Однако до сих пор не существует достаточно полного собрания сочинений К. С. Аксакова, о котором мечтал еще его брат Иван Сергеевич Аксаков, «хранитель славянофильского наследия». И. С. Аксаков

---

⁴ Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых от начала русской образованности до наших дней: в 6 т. СПб., 1889. Т. 1. С. 300–303. Итоговым сочинением критика стала работа: Венгеров С. А. Передовой боец славянофильства Константин Аксаков. СПб., 1912.

⁵ Кулешов В. И. Славянофилы и русская литература. М., 1976. С. 41–42.

⁶ Цимбаев Н. И. Славянофильство: из истории русской общественно-политической мысли XIX в. 2-е изд., испр. и доп. М., 2013; Кошелев В. А. Эстетические и литературные воззрения славянофилов (1840–1850-е гг.). Л., 1984; Анненкова Е. И. Аксаковы: преданья русского семейства. СПб., 1998; Пирожкова Т. Ф. Славянофильская журналистика. М., 1997; Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи. М., 2011.

⁷ Ширинянец А. А. Константин Сергеевич Аксаков // Ширинянец А. А. Нигилизм или консерватизм? Русская интеллигенция в истории политики и мысли. М., 2011. С. 345–374; Филькина Е. Ю. «Ты древней славою полна» // Аксаков К. С. Ты древней славою полна, или Неистовый москвич. М., 2014; Основат А. Л. Аксаков Константин Сергеевич // Русские писатели 1800–1917: биографический словарь / гл. ред. П. А. Николаев. М., 1989. Т. 1 (А–Г). С. 32–34; Фатеев В. А. Константин Сергеевич Аксаков (1817–1860) // История русской литературы XIX века. 40–60-е годы: учебное пособие для вузов / под ред. В. Н. Аношкиной, Л. Д. Громовой. 3-е изд., испр. М., 2006. С. 98–104.

планировал издать полное собрание сочинений в шести томах, но успел выпустить лишь три первые книги⁸.

Константин Сергеевич Аксаков родился и провел первые четыре года жизни в имении своего деда Тимофея Степановича Аксакова в селе Ново-Аксаково, Бугурусланского уезда, Оренбургской губернии. Род Аксаковых принадлежал к древним аристократическим родам России. Отец — небогатый провинциальный помещик, а впоследствии известный писатель Сергей Тимофеевич Аксаков (1791–1859), автор «Семейной хроники» и других сочинений. «Радушный и добрый от природы, он обладал умом чрезвычайно ясным и трезвым <...> совершенное отсутствие претензий, простота, радушие вместе с пылким и нежным сердцем, трезвость и ясность ума при возможности страстных порывов, честность, бескорыстие, беспечность относительно материальных выгод, тонкое художественное чувство, верность суда — вот отличительные свойства Сергея Тимофеевича, которые привлекали к нему всех, кто его знал»⁹. Младший брат мыслителя И. С. Аксаков подчеркивал глубинную связь, которая образовалась между отцом и сыном с первых дней жизни Константина и продолжалась до самого конца: «С своею страстною натурой он [С. Т. Аксаков] страстно отдался чувству отца и почти буквально заменял для своего сына первенца няньку. Ребенок засыпал не иначе, как под его баюканье. — Таким образом, влияние отца окружило Константина Сергеевича с детства, сопровождало всю жизнь, и едва ли можно себе представить связь более тесную той, которая соединяла отца с сыном. <...> И при всем том в натуре Константина Сергеевича Аксакова не было ничего схожего с натурою Сергея Тимофеевича. Он, как говорится, *весь был в мать*». Мать — Ольга Семеновна, урожденная Заплата (1792–1878), дочь суворовского генерала и пленной турчанки Игель-Сюмь, натура высоконравственная, оказала громадное влияние на сына. «Неумолимость долга, целомудренность, поразительная в женщине, имевшей стольких детей, отвращение от всего грязного, сального, нечистого, суровое пренебрежение ко всякому комфорту, правдивость

⁸ Аксаков К. С. Полное собрание сочинений. Т. 1: Сочинения исторические. М., 1861; Т. 2. Ч. 1: Сочинения филологические. М., 1875; Т. 2. Ч. 2: Опыт русской грамматики. М., 1880. В письме к Н. С. Соханской (Кохановской) от 18 июня 1861 г. И. С. Аксаков замечал: «Тут найдете вы догматику нашего учения, но современное общество не в состоянии понять и оценить ее вполне: она принадлежит будущему».

⁹ Аксаков И. С. Очерк семейного быта Аксаковых // Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Т. 1. С. 12–13.

<...> презрение к удовольствиям и забавам, чистосердечие, строгость к себе и ко всякой человеческой слабости, негодование, резкость суда, при этом пылкость и живость души, стремление ко всему возвышенному, отсутствие всякой пошлости, всякой претензии — вот отличительные свойства этой замечательной женщины <...> При этом она вся принадлежала русскому быту. Русские обычаи, особенно церковные, русская кухня, русская природа — все это было ей родное»¹⁰.

Константин был первенцем в семье, где было 14 детей, из которых выжило 10 (4 мальчика и 6 девочек). Родители уделяли его воспитанию и образованию особенно много времени и сил, стараясь привить любовь к отечественной литературе, русской природе, матушке-России, развить в нем «русскость». Детство будущего славянофила с 1822-го по 1826 г. прошло в отцовском имении Надежино, Белебеевского уезда, Оренбургской губернии. Отсюда он вынес искреннюю любовь к родине и ее истории. «Константин Сергеевич любил вспоминать (он вообще с нежностью относился к своим детским годам) свое пребывание в Надежине и чем с ранних лет воспитывалось в нем русское чувство»¹¹. Не меньшее значение, чем семья и природа, имела в жизни Константина русская литература. В 8 лет он знал наизусть книгу стихотворений И. И. Дмитриева, подаренную отцом («Москва, России дочь любима, Где равную тебе сыскать...»), а также прекрасно знал Хераскова, Княжнина, Ломоносова. «Любовь к Москве, как непосредственное чувство, зажглось в нем еще в те годы», — вспоминал брат Иван.

Когда Константину было 8 лет, вышел из печати роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин», и отец часто читал вслух всем полюбившиеся главы. В 10 лет будущий историк прочел «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина, «которая воспламеняла в нем патриотическое чувство», любил читать ее своим младшим братьям и сестрам и даже вместе с ними ставил сценки из русской истории.

Константин не только воспринял в семье начала православно-русского духа, но и сам с раннего возраста сознательно отвергал иностранное влияние, прежде всего французское, доминировавшее в дворянском кругу. В семье говорили только по-русски. Константин, отказавшись от французского слова «папаша», до конца жизни любовно называл своего отца «отесинькой».

---

¹⁰ Аксаков И. С. Очерк семейного быта Аксаковых... С. 15-16.

¹¹ Там же. С. 18-19.

Практически все отмечают, что Константин Сергеевич до конца жизни сохранил детскую чистоту, непосредственность и целомудрие. Как вспоминал И. С. Аксаков: «Между детскими годами и зрелым возрастом почти у всех лежит целая пропасть. У него, напротив, не было никакого разрыва с младенчеством в душе и сердце. Ум вызрел, обогатился познаниями, но в нравственном отношении не произошло перемены, не явилось никакой „порчи“: та же чистота души и тела, та же вера в людей. Этому много способствовало и то, что он до последнего года жизни жил при отце и матери и никогда с ними не разлучался»¹².

С приездом семейства в Москву дом Аксаковых уже с 1830-х гг. становится одним из важнейших литературных центров древней столицы. Постепенно складывается круг постоянных гостей и участников знаменитых «аксаковских суббот». Среди них — домашний учитель Константина филолог-славист Ю. И. Венелин, композитор А. Н. Верстовский, поэт М. А. Дмитриев, писатель Н. В. Гоголь, ставший одним из самых близких друзей семьи, братья Киреевские, историк М. П. Погодин, будущий глава славянофильства А. С. Хомяков, профессор Московского университета С. П. Шевырев. С. Т. Аксаков становится хозяином замечательного литературного кружка, в котором его дети, и в первую очередь старший сын, участвуют наравне со взрослыми. А с возмужанием Константина дом Аксаковых становится главным центром московского славянофильства, где собираются все ведущие участники этого движения.

Многих гостей притягивал царивший в гостеприимном семействе традиционный русский уклад жизни. Как вспоминал И. И. Панаев: «Это была уже не городская жизнь в том смысле, как мы ее понимаем теперь, а патриархальная, широкая помещичья жизнь, перенесенная в город. <...> Дом Аксаковых с утра и до вечера был полон гостями <...> Хозяева были так просты в общении со всеми посещавшими их, так бесцеремонны и радушны, что к ним нельзя было не привязаться»¹³.

Константин Аксаков получил прекрасное домашнее образование. У него были лучшие учителя. Он свободно владел пятью иностранными языками. Но особенно важное значение для него имело общение в отцовском доме со многими выдающимися деятелями русской культуры. В отличие от многих своих сверстников он никогда не учился

---

¹² Там же. С. 19.

¹³ Панаев И. И. Литературные воспоминания. М., 1988. С. 180–183.

в гимназии или в частном пансионе. Лишь в 15 лет для подготовки к вступительным экзаменам в университет полтора месяца провел в пансионе М. П. Погодина. В 1832 г. пятнадцатилетний Константин поступил на словесное отделение Московского университета, на котором преподавали С. П. Шевырев, М. Т. Каченовский, Н. И. Надеждин, М. П. Погодин и др.

Однако, как признавался сам Константин Сергеевич, намного больше, чем из их лекций, он почерпнул из студенческой университетской жизни, немало способствовавшей «самостоятельной деятельности мысли». Уже на первом курсе университета пятнадцатилетний юноша вступает в кружок Николая Владимировича Станкевича (1813–1840), которого В. Г. Белинский называл «огромной субстанцией» за его способность создать творческую и благожелательную атмосферу. Участники кружка стремились выработать цельное философское мировоззрение, опираясь на традиции немецкой классической философии, чтобы противостоять невежеству и просвещать Россию. Особенно интенсивно они изучали Гегеля, влияние которого заметно сказалось на раннем творчестве К. Аксакова.

Среди участников кружка были как будущие прославленные русские ученые (О. М. Бодянский, А. А. Беер, Я. М. Неверов, С. М. Строев, П. Я. Петров), так и будущие знаменитые общественные деятели самых различных направлений (В. Г. Белинский, М. А. Бакунин, М. Н. Катков, Ю. Ф. Самарин). А. И. Герцен считал появление подобных кружков в России «естественным ответом на глубокую внутреннюю потребность тогдашней русской жизни», а участников кружка Станкевича называл «сантименталистами и немцами». Сам, будучи атеистом и материалистом, Герцен особо подчеркивал не политический, а умозрительно-философский характер деятельности кружка и даже религиозный настрой некоторых участников: «Они чертили философские системы, занимались анализом себя и успокаивались в роскошном пантеизме, из которого не исключалось христианство»¹⁴.

Получившего твердое нравственное воспитание Аксакова кружок привлекал «„трезвым образом жизни“, отсутствием „либеральничанья“ и интереса к политике: политическая сторона занимала его мало; мысль же о каких-нибудь кольцах, тайных обществах и проч. была ему смешна, как жалкая комедия. Очевидно, что этот кружок желал правды,

---

¹⁴ Герцен А. И. Былое и думы. М., 2003. С. 371. URL: http://modernlib.ru/books/gercen_a/biloe_i_dumi_chast_4/read/ (дата обращения: 20.11.2016).

серьезного дела, искренности и истины. Это стремление, осуществляясь иногда односторонне, было само в себе справедливо и есть явление вполне русское...»¹⁵.

Именно Станкевич познакомил Аксакова и других участников кружка с философией Гегеля, установив своеобразный культ немецкого мыслителя: Аксаков и его молодые друзья «не столько умом, сколько сердцем примкнули к гегельянству, они <...> в него уверовали». Общее направление кружка было западничеством, а воззрение на Россию, по признанию самого Константина, было в целом отрицательным: «Одностороннее всего были нападения на Россию, возбужденные казенными ей похвалами. Пятнадцатилетний юноша, вообще доверчивый и тогда готовый верить всему, еще многого не передумавший, еще со многими не уравнившийся, я был поражен таким направлением, и мне очень часто было больно; в особенности больны мне были нападения на Россию, которую люблю с самых малых лет. Но, видя постоянный умственный интерес в этом обществе, слыша постоянные речи о нравственных вопросах, я, раз познакомившись, не мог оторваться от этого кружка и решительно каждый вечер проводил там»¹⁶.

Белинский, самый горячий пропагандист гегельянства, в октябре 1839 г. в письме Н. В. Станкевичу признавался, что в Аксакове «есть и сила, и глубокость, и энергия, он человек даровитый, теплый, в высшей степени благородный, но благодаря своему китайскому элементу, лишаящему его движения вперед путем отрицаний, он все еще обретается в мире призраков и фантазий и даже и не понюхал до сих пор действительности»¹⁷. Под «китайским элементом» Белинский, конечно, имел в виду унаследованное Константином от родителей твердое русское православие.

Как справедливо отметила Е. Анненкова, еще в 1830-е гг. именно русское воззрение на мир отделило К. Аксакова от кружка Станкевича¹⁸. В начале 1839 г. произошло окончательное размежевание. «Что сказать вам про мои отношения с приятелями, милые друзья? — пишет Аксаков братьям. — Я расстался со всем их кружком без ссоры, без вражды, отдавая им полную справедливость в том, что в них есть хорошего, расстался

¹⁵ Аксаков К. С. Воспоминание студентства 1832–1835 гг. // К. С. Аксаков. Ты древней славою полна, или Неистовый москвич. М., 2014. С. 130.

¹⁶ Там же. С. 129.

¹⁷ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. XI. С. 394.

¹⁸ Анненкова Е. И. Аксаковы: преданья русского семейства... С. 140.

сам, по истинному своему влечению, и чувствую себя теперь совершенно под вольным небом, и дышу свободно»¹⁹.

* * *

Еще в студенческие годы Аксаков увлекся романтической немецкой литературой и даже опубликовал несколько удачных переводов. В кружке Станкевича он не только штудировал Канта, Фихте и Гегеля, но и обсуждал с друзьями творения Шиллера, Гете. Так что Герцен не случайно называл их «немцами». Летом 1838 г. с целью более глубокого изучения немецкой философии и культуры Аксаков отправляется в путешествие в Германию и Швейцарию, в первый и единственный раз в жизни разлучившись со своей семьей. Он посетил Кенигсберг, Берлин, Дрезден, Лейпциг, Веймар, Висбаден, Франкфурт, Страсбург, Базель, Люцерн, Мюнхен, Кельн, Гамбург и другие города.

Доброжелательно настроенный к немцам, Константин Сергеевич в Пруссии впервые столкнулся с проявлением русофобии, с «положительной враждебностью к русским». Он этого никак не ожидал, будучи уверенным, что после того как в 1812 г. русские спасли Пруссию от Наполеона, между двумя странами установилась твердая дружба. Особенно поразили юного романтика слова его немецкого собеседника о том, что Россия слишком велика. «Слишком, слишком. Россия — страшное государство (furchtbares Reich), такого еще не было». Будущий славянофил так объясняет эти резкие слова: «...могущество России им глаза колет». Когда разговор коснулся Польши, он услышал, что «вся Германия — против России в этом деле». Константин возразил почти словами любимого Пушкина: «...это семейственный спор, и посторонние нации не могут судить о нем верно: оставьте это». Константин Сергеевич с удивлением отмечает, что среди обнаруженных им противников России были не только воинственные пруссаки, но и другие немцы²⁰. Впоследствии он напишет, что теперь, наученный неприязненным отношением к России со стороны пруссаков, он уже не сразу объявляет случайным попутчикам, что он русский. Романтически настроенный путешественник находит среди немцев и поклонников Шиллера, лица которых расцветают, когда Аксаков читает вслух стихи Гете о нем.

---

¹⁹ Литературное наследство. М., 1950. Т. 56. Ч. 2 С. 125.

²⁰ Аксаков К. С. Поездка в чужие края К. С. Аксакова (Письма к родным) // Богословский вестник. 1916. № 3/4. С. 530.

Страстный поклонник немецкого романтизма, литературного и музыкального творчества Гофмана, К. Аксаков в письме из Берлина от 28 июня 1838 г. изъясняет свое удивление тем, что не смог найти музыки Гофмана, а сами берлинцы ничего о нем не знают. Характерно, что уже в этом письме Аксаков выражает некоторую усталость от европейских городских впечатлений: «<...> мне вообще надоели эти города с высокими, сплошными домами, где люди бродят по улицам точно в щелях. Вспоминаю нашу Москву, которая так вольно раскинулась по полям и холмам»²¹.

В другом письме Константин Сергеевич делится своими впечатлениями о путешествии в почтовой телеге, отмечая, что характер народов высказывается во всем. Наблюдая спокойный ход телеги, запряженной немцем, он отмечает, как все у него «регулярно, так правильно, как по масштабу: ни разу он не прикрикнет, как русский ямщик, с которым ехать иногда, точно, наслаждение <...> Посмотрите, сколько жизни в русском ямщике. Она выражается у него всюду, подберет ли он возжи и прикрикнет: „эх, вы!“, запоеет ли он песню, протяжную и грустную, везде видно одушевление, везде виден человек, Богом отмеченный. Есть вещи, которых не дает никакое просвещение: это я мог заметить в мое краткое пребывание в Германии»²².

В письме из Берлина от 29 июня 1838 г. Константин отмечает опрятность и трудолюбие немцев, у которых «удобства жизни возведены до высшей степени»: «Все, что дано им от природы, они все развили до высшей степени и продолжают развивать, но субстанция народа (говоря их же выражением) ниже, гораздо ниже субстанции русского народа»²³.

Вслед за Карамзиным и другими русскими путешественниками Аксаков много пишет о посещении музеев и других достопримечательностей. Во время таких посещений он часто задумывается о том, что «для нашего народа не существует еще значения великих сокровищ науки и искусства, которыми наслаждаться должно ехать сюда, но наша история еще впереди. Много лежит в душе русского человека, и лучше и глубже западных народов поймет он их же плоды науки и искусства. О, это я живо, живее чувствую здесь...»²⁴.

---

²¹ Там же. С. 535.

²² Аксаков К. С. Поездка в чужие края К. С. Аксакова (Письма к родным) // Богословский вестник. 1916. № 5. С. 96–97.

²³ Там же. С. 99.

²⁴ Там же. С. 100.

Наиболее восторженное письмо было отправлено московским путешественником 4 июля из Дрездена, прославленного своими собраниями живописи. Только здесь перед Аксаковым явилась та Германия, которую он называет «моя». В Большом саду Дрездена, пораженный прекрасным ландшафтом, Константин почувствовал, как перед ним мысленно проходят тени великих: Шиллер, Гофман, Гете, Фихте. «Я видел, я узнавал их в ней [в природе]; мысль о них соединялась с тем наслаждением, которое я испытывал. Все величие, вся бесконечная сторона Германии, встала тогда передо мной. Живее, действительнее я почувствовал все то, чем так наслаждался, что так счастливило меня дома»²⁵.

Читая приобретенные книги с биографиями Гофмана, Шиллера, наслаждаясь природой, Аксаков ощущает особую, собственную близость немецкой литературе и немецкому народу. «С немцами соединяюсь я здесь в общем; они достигли до той степени, на которой уже они доступны для всякого человека, какой бы то ни было нации, если только он возвысится до этой степени. Здесь национальность перестает быть препятствием; здесь истинно жизнь общая... но со всем тем национальность нисколько не уничтожается: я русский, русский, остаюсь русским, но теперь только в Германии (т. е. в просвещении ее) могу находить такую полную отраду и потом идти своим путем; новые силы чувствую я в себе и знаю, что жизнь (теперь обновленная наполняет меня) будет развиваться и будет непременно русская в своем развитии»²⁶.

Как это часто случалось с русскими писателями за границей, в этом путешествии Константин Сергеевич еще более проникся любовью к России, гордостью тем, что он русский. «Мне весело идти среди полей, освещенных вечерним солнцем. Почти прямо против него, там далеко, еще далеко лежит моя Россия, бесконечная... Там, среди нее — Москва, а в Москве — вы, дражайшие мои родители, братья и сестры! О, да что и говорить! Не упоминая даже о семейственных связях, о сердечном стремлении, которое ближе и потому всего крепче может быть, Россия, земля самая, — моя страна: там моя жизнь, там круг моего действия, и, понимая общую жизнь человека, принимая общую для всех истину, я все остаюсь русским, русским, — для меня это ясно, и космополитизм кажется мне теперь совершенной глупостью. Я — русский...

---

²⁵ Там же. С. 110.

²⁶ Там же. С. 112.

Но я теперь люблю больше, истиннее отечество, потому что истиннее понимаю его значение»²⁷.

Вместо запланированного года путешествие продлилось всего четыре с половиной месяца. Затосковав по родной Москве и семье, «милому отесиньке», Константин возвращается на родину и более уже никогда не покидает первопрестольной столицы, деля свое время между московским домом и загородной усадьбой Абрамцево, которую отец приобрел в 1843 г. Имение находилось в живописных окрестностях древнерусского города Радонеж, неподалеку от Троице-Сергиевой лавры, и Сергей Тимофеевич любовно называл его Радонежье.

В 1859 г., вспоминая свою единственную поездку за границу, Константин Сергеевич напишет: «Был я и сам, уж давно, за границую. Немцев любил я тогда; Я полетел к ним крылатою птицею, — Думал прожить там годы. Скоро чужие края мне наскучили: В них я ведь сам был чужой. Дома, в отечестве, — ясно ли, тучи ли, — Всякому делу я свой».

* * *

В 1840 г. в Москве Аксаков знакомится с Алексеем Степановичем Хомяковым, который открывает ему «ясное, полное и цельное понимание Русской земли»²⁸. И. С. Аксаков называет эту встречу решающим событием в жизни брата, отмечая, что и для самого Хомякова она была «полна плодотворных последствий». Разносторонне образованный русский дворянин, прирожденный оратор, страстный полемист, Хомяков выступил автором теории устного «воспитания общества». Он полагал, что «изустное слово плодотворнее писанного ; оно живет слушающего и еще более говорящего»²⁹.

«Всегда общительный, неутомимый посетитель всех интеллигентных сборищ», Хомяков «до встречи с Самариным и К. С. Аксаковым в своем образе мыслей оставался почти одиноким». В лице двух молодых образованных дворян Хомяков нашел себе верных друзей, последователей и учеников. Как вспоминал И. С. Аксаков, этот «союз духовный,

---

²⁷ Аксаков К. С. Поездка в чужие края К. С. Аксакова (Письма к родным) // Богословский вестник. 1915. № 9. С. 11.

²⁸ Аксаков К. С. Письма о современной литературе // Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика / сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В. А. Кошелева. М., 1995. С. 194.

²⁹ Ляковский В. Алексей Степанович Хомяков, его жизнь и учение. М., 1907. URL: http://ruskline.ru/analitika/2015/11/05/aleksej_stepanovich_homyakov_ego_zhizn_i_sochineniya/ (дата обращения: 20.11.2016).

душевный, умственный и нравственный» привлек многих «к общей работе русского народного самосознания», положив твердое основание славянофильству.

Спустя почти десятилетие после первой встречи, в конце 1849 г., К. С. Аксаков напишет: «Один Хомяков (сама справедливость требует этого сказать) понимал ложность Западной дороги, которою мы шли, понимал самостоятельность нравственной задачи для Русской земли»³⁰. Несмотря на тринадцатилетнюю разницу в возрасте, К. Аксаков и Хомяков становятся друзьями, так же как и их семейства. На протяжении двадцати последующих лет и в Москве, и в Абрамцево Хомякова встречали как самого дорогого гостя и друга.

И. С. Аксаков, хотя и присоединился к славянофильскому движению позже, но, будучи живым свидетелем его зарождения и расцвета, отмечал впоследствии: «В них троих, Хомякове, Константине Аксакове и Самарине, явилось, сложилось и завершилось славянофильство — как личное дело, как отдельный стан в литературе и обществе, как особый период в нашей народной жизни, указавший и выработавший основы дальнейшего развития русской мысли. <...> В них... русская народность, можно сказать, получила свое первое, высшее определение...»³¹

Еще один участник кружка, А. И. Кошелев, описывая впоследствии облик молодого К. Аксакова в момент его вхождения в круг славянофилов, отмечает, что в нем «преобладали чувство и воображение; он страстно любил русский народ, русскую историю и русский язык и делал в двух последних поразительные, светоносные открытия. Правда, часто он впадал в крайности, и мысли, самые верные в основе, становились в его устах парадоксами; но любовь, которую все у него одушевлялось, приобретала ему друзей и последователей и усиливала его влияние в обществе...»³².

* * *

Современные исследователи полагают, что термин «славянофильство» был введен в качестве насмешливой клички В. Г. Белинским

---

³⁰ Аксаков К. С. Письма о современной литературе. С. 189.

³¹ Аксаков И. С. В память Юрия Федоровича Самарина. 19 марта 1876 года. М., 1876. С. 39–44. URL: http://az.lib.ru/a/aksakow_i_s/text_1876_rech_o_samarine.shtml (дата обращения: 20.11.2016).

³² Записки Александра Ивановича Кошелева. 1812–1883 годы. М., 2002. С. 53.

для обозначения московских сторонников русской самобытности³³. И. С. Аксаков отмечал, что «ни К. С. Аксаков, ни Хомяков, ни Юрий Самарин, ни другие литературные и общественные деятели одного с ними направления не любили этой клички и сами себя так не называли»³⁴. Большинство славянофилов, скептически относясь к этому прозвищу, справедливо полагали, что оно не выражает сущности нового направления и определяли себя по-другому — «русское направление» (К. С. Аксаков), «московское направление» (Ю. Ф. Самарин), «самобытники» (А. И. Кошелев) и т. п. Прот. В. В. Зеньковский в своей классической «Истории русской философии» называл его «православно-русским» направлением: «В сочетании Православия и России и есть та общая узловая точка, в которой все мыслители этой группы сходятся»³⁵. В. А. Фатеев отличительным признаком, объединяющим большинство славянофилов, называет понятие «народности», которую они ставили выше самодержавия³⁶. Погодин, касаясь «главных положений» славянофильства, «средоточием всей системы» называет «русскую самостоятельность, своеобразность, одним словом, народность, национальность»³⁷.

Участники кружка довольно долго сопротивлялись названию славянофилы. Уже в 1847 г. К. С. Аксаков писал: «Я думаю, видно уже из сказанного мною, что несправедливо называют славянофильской и славянской ту сторону, которую так называют. Если уж надо называть именами эти противоположные стороны, то нас я назову *Русскими*, а противников наших *Русляндцами*. <...> Они обидятся; *Петровцами* <...> то же может быть; но я думаю, они не обидятся, если я назову их *Россиянами*»³⁸.

Еще в 1842 г., отмечая важность изучения славян, К. Аксаков, тем не менее, подчеркивал: «Но не иначе как в России и через Россию

³³ Фатеев В. А. В спорах о самобытном пути // Славянофильство: pro et contra. Творчество и деятельность славянофилов в оценке современников: антология. 2-е изд. СПб., 2009. С. 8.

³⁴ Аксаков И. С. Ответ г. Градовскому на его разбор «Записки» К. Аксакова // Отчего так нелегко живется в России. М., 2002. С. 477.

³⁵ Зеньковский В. В. История русской философии. Л., 1991. Т. 1. Ч. 2. С. 6.

³⁶ Фатеев В. А. В спорах о самобытном пути... С. 10–11.

³⁷ Погодин М. П. К вопросу о славянофилах // Славянофильство: pro et contra. Творчество и деятельность славянофилов в оценке современников: антология. 2-е изд. СПб., 2009. С. 408. Подробнее см. также: Гаврилов И. Б. Степан Петрович Шевырев о «русском воззрении» // Христианское чтение. 2016. № 1. С. 229–289.

³⁸ Аксаков К. С. О современном литературном споре // Русь. 1883. № 7. С. 26.

понимаю я славян»³⁹. Идеи панславизма не были ему особенно близки. По словам И. С. Аксакова, Константина «упрекали в совершенном равнодушии ко всем славянам, кроме России, и то даже не всей, а собственно Великороссии»⁴⁰.

Как показывает В. З. Завитневич, славянофильство «не было ни плодом досужей фантазии, ни следствием невежественного пристрастия к отжившей старине, ни результатом слепого подражания немецким идеалистам... славянофильство появилось у нас как естественная и неизбежная реакция против рабского европейничанья»⁴¹.

В отличие от радикальных западников, славянофилы никогда не стремились к политической деятельности. «Наше дело — борьба нравственная, а в такой борьбе победа покупается не днями, а годами труда и самоотвержения», — заявлял А. С. Хомяков.

Прот. Г. Флоровский рассматривал расхождение, а затем и разрыв отношений между славянофилами и западниками как раскол между двумя психологическими типами. Здесь следует уточнить эту мысль: речь идет о расколе между религиозно-психологическими типами. «Философский подъем тридцатых и сороковых годов имел двойной исход. Для одних открылся путь в Церковь, путь религиозного восстановления <...> Для других это был путь в безверие и даже в прямое богоборчество»⁴². Главный вопрос заключается в отношении к православию. Именно он и становится камнем преткновения для западников. А. И. Герцен признавался, что западники не воспринимали серьезно «детское поклонение» славянофилов «детскому периоду нашей истории <...> принимая за серьезное их православие <...>, мы должны были враждебно стоять против них, <...> между нами была церковная стена»⁴³.

---

³⁹ Анненкова Е. И. Архив К. С. Аксакова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинско-го дома на 1975 г. Л., 1977. С. 14.

⁴⁰ Кораблев В. Н. Константин Аксаков // К. С. Аксаков. Ты древней славою полна, или Неистовый москвич. М., 2014. С. 412.

⁴¹ Завитневич В. З. Значение первых славянофилов в деле уяснения идей народности и самобытности. Киев, 1891. С. 41.

⁴² Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Киев, 1991. С. 246.

⁴³ Герцен А. И. Былое и думы. Часть четвертая. Москва, Петербург и Новгород (1840–1847). Глава XXX: Не наши. URL: http://modernlib.ru/books/gercen_a/biloe_i_dumi_chast_4/read/ (дата обращения: 20.11.2016).

* * *

В литературных салонах пылкий Аксаков, следуя наставлениям и примеру А. С. Хомякова, бесстрашно и «прямо шел на смертный бой» с западниками, стремился приобщить к русскому воззрению высший свет. Родные и близкие выказывали Константину свою обеспокоенность его «проповедью». В частности, Иван Сергеевич писал родным: «Мне жалко, мне грустно, мне досадно видеть человека, как он, унижающегося до светской толпы, страшной своею пустотою... Человека, добровольно профанирующего высокие мысли и подбирающего чутко будто бы лестные слова тупоумных женщин и близоруких светских судей!» (З. П. 1844 г.)⁴⁴. И. С. Аксаков даже написал по этому поводу стихотворение (5 февраля 1844 г.), в котором призывал брата не тратить напрасно святого дара: «Не расточай святых даров природы / Пред суетной, бессмысленной толпой; / Сил молодых исполненные годы / Не трать в борьбе бесплодной и смешной. <...> Зачем же ты, не дорожа святыней, Влачишь везде заветных мыслей клад...»

Скоро и сам К. Аксаков осознал бесплодность своих попыток приобщить посетителей аристократических салонов к русскому воззрению. В частности, в одном из писем к Н. В. Гоголю (конец августа 1845 г.) он признается: «...светское общество и вообще общество — мне стало несколько в тягость; в свете многие соглашались со мной, многие, казалось, уступали усилиям пробудить в них живое русское чувство, дамы, девушки, особенно последние, казалось, с таким участием принимали всякое русское явление, всякое русское слово — но все это непрочно, ни одна не решается надеть сарафана... Что касается до меня лично, то мысли мои всё те же, они стали еще тверже, может быть, стали яснее; много нового открылось мне»⁴⁵.

Важной формой проповеди «русского воззрения» К. Аксаков считал ношение традиционной русской одежды. По его убеждению, одежда есть одно из выражений духа человеческого. В русской одежде К. Аксаков видел проявление борьбы за «русскую жизнь и самобытность против иностранного маскарада». В стихотворении «Монолог» (1845 г.) он показывает, что за внешним изменением следует внутреннее: «Я надеваю Русскую одежду. И имя самое мое теперь / Звучит мне как бы вновь / Всем

---

⁴⁴ Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. М., 1988. С. 28–29.

⁴⁵ Переписка Н. В. Гоголя: в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 66.

Русским звуком...» Такое внимание Аксакова к традиционной русской одежде встречало ироническое к себе отношение. А. И. Герцен писал: «К. Аксаков оделся так национально, что народ на улицах принимал его за персиянина, как рассказывал, шутя, Чаадаев».

Однако насмешки, которыми осыпали Константина и его друзей, не всегда были безобидными. Так, И. С. Тургенев в поэме «Помещик» ради красного словца выставил московского любителя старины в качестве доносчика, что не делало чести прославленному западнику и либералу: «От шапки-мурmolки своей / Ждет избавленья, возрожденья; / Ест редьку, — западных людей / Бранит — и пишет... донесенья».

«Фрак может быть революционером, а зипун — никогда. Россия, по-моему, должна скинуть фрак и надеть зипун — и внутренним и внешним образом», — напишет К. С. Аксаков А. Н. Попову в 1849 г.

Некоторые из единомышленников Константина Сергеевича (С. Т. Аксаков, А. С. Хомяков, С. П. Шевырев) также надели русские костюмы, но большинство знакомых и друзей (И. Аксаков, Ю. Самарин) встретило такое поведение с насмешкой и даже увидело в нем проявление фанатизма (Н. В. Гоголь).

Письма К. Аксакова своему другу славянофилу Ю. Ф. Самарину, состоявшему на государственной службе и не желающему надевать русский костюм, полны строгих сентенций и поучений: «Для нас одна дорога прямая, один образ действия; не соприкасаться никаким образом с порядком вещей, и если невозможно не соприкасаться внешним образом, то да не будет соприкосновения внутренне, душевного участия»⁴⁶. Здесь можно обнаружить не только прямое осуждение Константином Сергеевичем государственной службы, но и принципиальную идейную оппозицию к бюрократической системе николаевского царствования.

Весьма показательно для понимания позиции К. Аксакова в эти годы письмо Ю. Самарина к Н. Гоголю: «Аксаков пишет мне письма, в которых грозит разрывом, если я не приму его образа мыслей, запечатленного исключительностью и потому только извинительного, что происходит от незнания людей и жизни. Он не умеет вглядываться в физиономию человека; он видит в нем не живое целое, сложенное из противоположных свойств и начал самых разнообразных, а строгий силлогизм на двух ногах. <...> Весь род человеческий для него распадается на безусловно

---

⁴⁶ Аксаков И. С. Письма к родным. С. 630.

белых и безусловно черных»⁴⁷. Также и брат Иван отмечал, что Константин Сергеевич при всех своих талантах и благородстве не является практическим деятелем, он весьма наивный идеалист, романтический мечтатель.

* * *

По окончании в 1835 г. полного курса Московского университета К. Аксаков пишет магистерскую диссертацию на тему «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка». Выбор темы не был случайным: замысел работы возник еще в студенческие годы. Ломоносов с детства был одним из любимейших поэтов Константина Сергеевича. Любовь эту он унаследовал от отца, который буквально боготворил Ломоносова, наизусть декламировал в семье стихи родоначальника российской поэзии. Особенно восхищался Сергей Тимофеевич «Одой, выбранной из Иова».

Важным импульсом к написанию диссертации стала полемика Константина Аксакова с Виссарионом Белинским по вопросу о роли Ломоносова в русской культуре. «Неистовый» Виссарион в своем письме весьма субъективно выразился о нем как о писателе, принизив его значение: «Говорят, что он в литературе — Петр, а мне кажется, что даже и не Меньшиков». Такое высказывание критика возмутило пылкого Константина. Узнав о публикации в ноябре 1841 г. рецензии Белинского на собрание сочинений М. В. Ломоносова и даже еще не прочитав ее, он писал отцу: «Я воображаю, что он там наврал, наверно, о Ломоносове; на это точно надо отвечать диссертацией. <...> Предвижу, что мы с Белинским так схватимся литературно, как еще никто с ним не схватывался»⁴⁸.

В 1846 г. завершенная Аксаковым диссертация была издана отдельной книгой объемом более 500 страниц. Открывал диссертацию яркий пассаж, отражающий общую славянофильскую направленность работы. «Энергически освобожденные Петром от оков исключительной национальности, пережившие период безотчетного подражания чуждому, наставший логически и необходимо непосредственно за предыдущим, — мы с полным сознанием, свободные от всякой возможной односторонности, возвращаемся к нашей истории, к нашей жизни, к нашему

---

⁴⁷ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. I–XXII. СПб., 1888–1910. Кн. VIII. С. 334.

⁴⁸ Литературное наследство. Т. 56. Ч. 2. С. 145.

отечеству, нами снова приобретенному, и с большим правом, нежели прежде, называем его своим. Просвещение Запада, нас некогда ослепившее и сначала так односторонне на нас подействовавшее, не может уже у нас отнять его, ибо результатом этого просвещения, при настоящем его понимании, было необходимое сознательное возвращение к себе. <...> В самой истине, нам открывшейся, нашли мы доказательство, сильную опору нашему народному чувству; мы поняли необходимость национальной стороны и в то же время ее значение и место»⁴⁹.

Под влиянием гегелевской диалектики диссертант трактует древнерусский период в истории отечественной литературы в качестве тезиса как «степень исключительной национальности», петровский переворот как антитезис — уничтожение Петром этой исключительной национальности народа, «время слепого отрицания», которое «простирается даже до настоящей минуты», а синтез он видит в преодолении отчуждения, в начале нового периода «грядущей высшей гармонии», в зарождении разумной любви к отечеству.

Аксаков рассматривает литературную деятельность Ломоносова в гегелевском духе, как «момент отрицания исключительной национальности, особенности в литературе», «момент индивидуума». Однако в ходе работы над диссертацией русский патриот-славянофил побеждает диалектика-гегельянца, и заканчивает он гимном во славу Ломоносова, который «во все время своей деятельности, и за границей, и в России, ревностно принимая плоды просвещения от Запада, оставался и душой и характером и всем — русским вполне», который вовсе не равнодушно наблюдал, как «чужеземное одолевало русское»⁵⁰.

Ломоносов предстает в диссертации как борец за Россию и за ее просвещение, ведущий свою борьбу с немцами, которые дерзают «объяснять русским русскую историю». От своих современников и читателей Аксаков ожидает признания подвига великого патриота и благодарность к его делу.

И. С. Аксаков полагал, что в начале 1840-х гг., когда Константин Сергеевич начал писать свою диссертацию, «его славянофильское мирозерцание еще не определилось и не сложилось в ту стройную систему, в которой явилось впоследствии. Он находился тогда еще под сильным

---

⁴⁹ Аксаков К. С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка // Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика / Сост., вступит. статья и коммент. А. С. Курилова. М., 1981. С. 30.

⁵⁰ Там же. С. 86-88.

влиянием Гегелевой философии, которую ревностно занимался. <...> Увлекаясь величавым строем философской системы Гегеля, он гнул и натягивал отвлеченные формулы на „определение“ и вящее прославление Русской земли; вся мудреная Гегелева логомахия призвана была послужить этой задаче. <...> Оттого и самый язык диссертации испещрен и даже изуродован немецкими философскими терминами»⁵¹.

Попечитель Московского учебного округа граф С. Г. Строганов нашел в диссертации недопустимые выражения о Петре Великом и его преобразованиях и потребовал их убрать. Несмотря на чинимые им препятствия, К. Аксаков 6 марта 1847 г. успешно и без ожидаемого скандала защитил диссертацию в полной аудитории университета, где собрался «весь Московский ум обоих полов». После диспута, в котором участвовали О. Бодянский, М. Катков, Ф. Буслаев, С. Соловьев, С. Шевырев, диссертант «возведен был на степень магистра». Однако места на филологическом факультете Московского университета для нового магистра не нашлось, а принять вакансию в Киеве Аксаков не пожелал, так как не хотел расставаться с любимой Москвой и родными.

Диссертация в целом была положительно встречена в аксаковском окружении, хотя многие отмечали его неумение писать, темный, непонятный слог. А. С. Хомяков еще в 1844 г. отмечал, что Аксаков пишет диссертацию о Ломоносове «русскими словами, но как будто по-немецки».

Впоследствии Константин Сергеевич и сам был недоволен своей работой. Особенно тем, что не удалось точнее выразить «русское воззрение» на «петербургский период в русской литературе» и на личность Петра I.

Несмотря на отмеченные недостатки, диссертация представляла собой яркое творческое осмысление основных проблем русской истории и культуры, в ней наметились уже важнейшие линии исторической концепции К. С. Аксакова. В диссертации содержится, в частности, идея о «сознательном возвращении к себе» современного российского общества, отторгнутого Петром от своей национальности, возвращения, одним из предшественников которого был, по мнению Аксакова, М. В. Ломоносов, идея разделения России на «землю» и «государство». И еще одна, безусловно, очень важная идея — о ведущей, основополагающей роли православной веры в становлении русской государственности и народности.

---

⁵¹ Из предисловия И. С. Аксакова ко 2-му тому сочинений К. С. Аксакова.

Помимо этих фундаментальных славянофильских идей, в последующие годы Константин Сергеевич смог также более ярко и точно выразить славянофильский взгляд на Петра I — и в своей публицистике, и в поэзии. Так, в стихотворении «Петру», написанном в 1845 г., а впервые напечатанном в «Руси» только в 1881 г., первый российский император предстает как «кровавый муж» с «окровавленным топором», оскорбивший «всю отчизну». «И смолкла Русская земля». Петр разрушил мир между землей и государством. А. И. Герцен справедливо писал об Аксакове: «Вся жизнь его была безусловным протестом против петровской Руси, против петербургского периода во имя непризнанной, подавленной жизни русского народа»⁵².

* * *

Одним из первых ярких выступлений К. Аксакова в печати в начале 1840-х гг. с точки зрения «русского воззрения» стала его брошюра «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова, или Мертвые души». Гоголь еще с 1832 г. был близким другом Аксаковых. А со временем в семействе сформировался настоящий культ писателя. После публикации в 1842 г. поэмы «Мертвые души» сразу же возникла бурная дискуссия о ней. Константин Сергеевич в опубликованной статье очень высоко отозвался о поэме, заявив, что в ней воскресло древнее «эпическое созерцание», присущее Гомеру или сказителям древнерусских былин. По его мнению, Гоголь коснулся «общего субстанциального чувства русского так, что возбудилась „(субстанция) русского народа“... Здесь проникает наружу и видится Русь, лежащая <...> тайным содержанием всей его поэмы»⁵³. Аксаков видит в Гоголе создателя национального эпоса. «Гоголь — русский, вполне русский, и это наиболее видно в его поэме, где содержание Руси, всей Руси занимает его, и вся она, как одно исполинское целое, колоссально является ему»⁵⁴. Лишь немногие друзья поняли вполне основную мысль Константина Сергеевича. Хомяков благодарил его за смелость, за то, что Константин указал на «народное значение» поэмы, но особенно за «большую любовь к великорусскому началу».

---

⁵² Герцен А. И. Былое и думы. Глава XXX: Не наши. URL: <http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/proza/byloe-i-dumy/4-glava-xxx.htm> (дата обращения: 20.11.2016).

⁵³ Аксаков К. С. Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова, или Мертвые души // К. С. Аксаков. Ты древней славою полна, или Неистовый москвич. М., 2014. С. 46.

⁵⁴ Там же. С. 50.

Однако большинство читателей не оценили работу Аксакова. В частности, В. Г. Белинский выразил противоположный Аксакову взгляд на поэму, увидев в ней сатиру и насмешку над русской жизнью, осмеяние «царства призрачной действительности» России.

В 1840-е гг., когда у славянофилов, в отличие от западников, не было своего печатного органа и университетской кафедры, проповедь К. С. Аксаковым и его единомышленниками «русского воззрения» воспринималась лишь очень небольшим кругом лиц, непосредственно связанных с ними семейными или дружескими узами, при крайней ограниченности возможностей воздействия на общество. В этих стесненных условиях особое значение славянофилы придавали устной проповеди и переписке с друзьями и близкими. Об их интенсивном дружеском общении свидетельствуют сохранившиеся воспоминания и переписка. Что же касается эпистолярного наследия К. Аксакова, то оно еще ждет своих публикаторов. Настоящий расцвет творчества Константина Сергеевича наступит в 1850-е гг. Именно в эти годы славянофилы обретут собственные издания, а общественная жизнь приобретет после смерти имп. Николая I более открытый и свободный характер. Но этот период — тема следующей статьи. Закончить настоящую работу хотелось бы словами Константина Сергеевича из письма Г. И. Аксакову 1849 г., когда Европу сотрясали революционные бури. Слова эти можно назвать лейтмотивом всей его жизни и творчества: «Будем русскими. Погрузимся в глубину русского духа; мы найдем там неоцененные сокровища, до которых никогда нельзя достигнуть путем насильственных переворотов»⁵⁵.

---

⁵⁵ Аксаков К. С. Ты древней славою полна, или Неистовый москвич. М., 2014. С. 271.

Источники и литература

1. Аксаков И. С. В память Юрия Федоровича Самарина. 19 марта 1876 года. М., 1876. С. 39–44. URL: http://az.lib.ru/a/aksakow_i_s/text_1876_rech_o_samarine.shtml (дата обращения: 20.11.2016).
2. Аксаков И. С. Ответ г. Градовскому на его разбор «Записки» К. Аксакова // Отчего так нелегко живется в России. М., 2002. С. 477–486.
3. Аксаков И. С. Очерк семейного быта Аксаковых // Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Т. 1. С. 11–36.
4. Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. М., 1988. С. 28–29.
5. Аксаков К. С. Воспоминание студентства 1832–1835 гг. // К. С. Аксаков. Ты древней славою полна, или Неистовый москвич. М., 2014. С. 123–145.
6. Аксаков К. С. Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова, или Мертвые души // К. С. Аксаков. Ты древней славою полна, или Неистовый москвич. М., 2014. С. 42–50.
7. Аксаков К. С. О современном литературном споре // Русь. 1883. № 7.
8. Аксаков К. С. Письма о современной литературе // Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика / сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В. А. Кошелева. М., 1995. С. 187–227.
9. Аксаков К. С. Поездка в чужие края К. С. Аксакова (Письма к родным) // Богословский вестник. 1915. № 9; 1916. № 3/4, 5, 9; 1917. № 4/5.
10. Аксаков К. С. Полное собрание сочинений. Т. 1: Сочинения исторические. М., 1861; Т. 2. Ч. 1: Сочинения филологические. М., 1875; Т. 2. Ч. 2: Опыт русской грамматики. М., 1880.
11. Аксаков К. С. Ты древней славою полна, или Неистовый москвич. М., 2014.
12. Аксаков К. С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка // Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика / Сост., вступит. статья и коммент. А. С. Курилова. М., 1981. С. 30–89.
13. Анненкова Е. И. Аксаковы: преданья русского семейства. СПб., 1998.
14. Анненкова Е. И. Архив К. С. Аксакова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1975 г. Л., 1977. С. 3–19.
15. Анненкова Е. И. Константин Аксаков — фанатик или аналитик славянофильства? // Христианское чтение. 2015. № 4. С. 244–256.
16. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 1–22. СПб., 1888–1910.
17. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1953–1959.
18. Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых от начала русской образованности до наших дней: в 6 т. Т. 1. СПб., 1889.
19. Венгеров С. А. Передовой боец славянофильства Константин Аксаков. СПб., 1912.
20. Гаврилов И. Б. Степан Петрович Шевырев о «русском воззрении» // Христианское чтение. 2016. № 1. С. 229–289.

21. Герцен А. И. Былое и думы. М., 2003. URL: http://modernlib.ru/books/gercen_a/biloe_i_dumi_chast_4/read/ (дата обращения: 20.11.2016).
22. Завитневич В. З. Значение первых славянофилов в деле уяснения идей народности и самобытности. Киев, 1891.
23. Записки Александра Ивановича Кошелева. 1812–1883 годы. М., 2002.
24. Зеньковский В. В. История русской философии. Т. 1. Ч. 2. Л., 1991.
25. Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи. М., 2011.
26. Кораблев В. Н. Константин Аксаков // К. С. Аксаков. Ты древней славою полна, или Неистовый москвич. М., 2014. С. 408–413.
27. Кошелев В. А. Эстетические и литературные воззрения славянофилов (1840–1850-е гг.). Л., 1984.
28. Кошелев В. А. «Не право о вещах те думают, Аксаков...» // Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика. М., 1995. С. 7–42.
29. Кулешиов В. И. Славянофилы и русская литература. М., 1976.
30. Литературное наследство. Т. 56. М., 1950.
31. Ляскоцкий В. Алексей Степанович Хомяков, его жизнь и учение. М., 1907. URL: http://ruskline.ru/analitika/2015/11/05/aleksej_stepanovich_homyakov_ego_zhizn_i_sochineniya/ (дата обращения: 20.11.2016).
32. Осоват А. Л. Аксаков Константин Сергеевич // Русские писатели 1800–1917: биографический словарь / гл. ред. П. А. Николаев. М., 1989. Т. 1 (А–Г). С. 32–34.
33. Панаев И. И. Литературные воспоминания. М., 1988.
34. Переписка Н. В. Гоголя: в 2 т. Т. 2. М., 1988.
35. Пирожкова Т. Ф. Славянофильская журналистика. М., 1997.
36. Погодин М. П. К вопросу о славянофилах // Славянофильство: pro et contra. Творчество и деятельность славянофилов в оценке современников: антология. 2-е изд. СПб., 2009. С. 395–423.
37. Пытин А. Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов: исторические очерки. СПб., 1873.
38. Розанов В. В. Один из «стаи славной» // Розанов В. В. Собрание сочинений. О писательстве и писателях. М., 1995. С. 605–608.
39. Фатеев В. А. В спорах о самобытном пути // Славянофильство: pro et contra. Творчество и деятельность славянофилов в оценке современников: антология. 2-е изд. СПб., 2009.
40. Фатеев В. А. Константин Сергеевич Аксаков (1817–1860) // История русской литературы XIX века. 40–60-е годы: учебное пособие для вузов / под ред. В. Н. Аношкиной, Л. Д. Громовой. 3-е изд., испр. М., 2006. С. 98–104.
41. Филькина Е. Ю. «Ты древней славою полна» // К. С. Аксаков. Ты древней славою полна, или Неистовый москвич. М., 2014. С. 5–41.
42. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Киев, 1991.

43. Цимбаев Н. И. Славянофильство: из истории русской общественно-политической мысли XIX в. 2-е изд., испр. и доп. М., 2013.

44. Ширинянец А. А. Константин Сергеевич Аксаков // Ширинянец А. А. Нигилизм или консерватизм? Русская интеллигенция в истории политики и мысли. М., 2011. С. 345–374.

Igor Gavrilov. Konstantin Aksakov on the “Russian Outlook” (1830–1840).

This article is devoted to the emergence of the philosophical views of the Russian Slavophile thinker Konstantin Aksakov (1817–1860), submitted in honor of the bicentennial of his birth. In the context of drawing up his intellectual biography, some of the sources for his ideas at the early stages of his life and literary works are identified. The importance of the family in forming the views of the future Slavophile is demonstrated. The author also reviews Aksakov’s participation in the discussion club of N. Stankevich, his travel through Europe, membership in the discussion group of Khomyakov, and some of the early topics discussed by the emerging Slavophile movement, especially the forms and ways of dissemination of the “Russian Outlook”. In this article, a brief review of some of the theses defended in Aksakov’s master’s dissertation on Lomonosov are presented. This dissertation can be viewed as an important stage in the emergence of his views on Russia and Russian culture.

Keywords: Russian philosophy, intellectual biography, Konstantin Aksakov, Russian outlook, Slavophilism, Russia and the West, Russia and Germany, understanding Russia, Russian Orthodox current.

Igor Borisovich Gavrilov — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Theology of St. Petersburg Theological Academy (igo7777@mail.ru).